Ссылка для цитирования этой статьи:

Абдуразаков М.М., Меселова М.М. Научно-практические проблемы производства отдельных видов следственных действий в уголовном процессе России // Human Progress. 2026. Том 12, Вып. 4. С. 29. URL: http://progress-human.com/images/2026/Tom12_4/Abdurazakov.pdf DOI 10.46320/2073-4506-2026-4a-31.

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОИЗВОДСТВА ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ

Абдуразаков Магомед Мукуевич
старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики,
Юридический институт,
Дагестанский государственный университет,
г. Махачкала, Российская Федерация

Меселова Мадина Микаиловна,
магистрант,
Юридический институт,
Дагестанский государственный университет,
г. Махачкала, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются научно-практические проблемы производства отдельных видов следственных действий в современном российском уголовном процессе. Основное внимание сосредоточено на соотношении процессуальной формы и реальной способности действующего регулирования обеспечивать достоверное собирание доказательств при соблюдении конституционных прав личности. Анализируются судебный контроль по статье 165 УПК РФ, проблемы допустимости доказательств, особенности производства обыска, выемки и осмотра жилища, гарантии адвокатской тайны, а также трудности, возникающие при обращении с цифровыми носителями, удалёнными данными и цифровой валютой. Отдельно исследуются риски, связанные с допросом, предъявлением для опознания, проверкой показаний на месте, использованием результатов оперативно-розыскной деятельности и назначением судебной экспертизы. Делается вывод о наличии разрыва между нормативной моделью следственных действий и фактической технологией расследования, что требует дальнейшего совершенствования процессуальных гарантий, цифровой фиксации и правил обращения с доказательственной информацией.

Ключевые слова: следственные действия, уголовный процесс, судебный контроль, допустимость доказательств, обыск, выемка, осмотр жилища, адвокатская тайна, цифровые доказательства, оперативно-розыскная деятельность, судебная экспертиза, УПК РФ.

Введение

Научно-практическая проблематика отдельных следственных действий в российском уголовном процессе сегодня связана уже не с буквальным толкованием норм УПК РФ, а с тем, насколько действующая процедура действительно обеспечивает достоверное собирание доказательств при одновременном соблюдении конституционных гарантий личности, неприкосновенности жилища, частной жизни, тайны связи, права собственности и права на защиту. Действующая редакция УПК РФ по состоянию на март 2026 года сохраняет базовую модель судебного контроля, закреплённую в статье 165, и дополнена статьёй 164.2, специально регулирующей изъятие цифровой валюты при производстве следственных действий. Уже это показывает, что прежний процессуальный инструментарий перестал полностью охватывать современные формы доказательственной информации, прежде всего цифровые следы, распределённые данные и иные цифровые активы [1].

В связи с этим особое значение приобретает анализ тех следственных действий, при производстве которых наиболее заметно столкновение интересов уголовного преследования и гарантий личности. К таким действиям относятся обыск, выемка, осмотр жилища, изъятие электронных носителей, действия в отношении адвоката, допрос, предъявление для опознания, проверка показаний на месте и судебная экспертиза. Их объединяет то, что формальное соблюдение процедуры само по себе не всегда гарантирует доброкачественность доказательства, если нарушены пределы вмешательства, порядок фиксации, условия участия процессуальных лиц или правила обращения с цифровыми данными.

Материалы и методы

Материалом для анализа выступили положения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующие порядок производства отдельных следственных действий, судебный контроль за их проведением, допустимость доказательств и специальные правила обращения с цифровыми объектами. Особое внимание уделено статьям 165, 164.1, 164.2, 182, 450.1 УПК РФ, поскольку именно они позволяют проследить связь между процессуальной формой, судебным разрешением, защитой конституционных прав и современными технологическими условиями расследования.

Кроме нормативных положений, использованы данные официальной судебной статистики за первое полугодие 2025 года, отражающие количество материалов, рассмотренных судами по ходатайствам следственных органов. Эти сведения позволяют оценить не только содержание правового регулирования, но и фактическую нагрузку на механизм судебного контроля. Также учитывались разъяснения Пленума Верховного Суда РФ и отдельные позиции Верховного Суда РФ по вопросам допустимости доказательств, полученных при производстве обыска, выемки, предъявления для опознания и судебной экспертизы.

Методологическую основу исследования составили формально-юридический, сравнительно-аналитический и системный методы. Формально-юридический метод позволил раскрыть содержание норм УПК РФ и определить требования к процессуальной форме следственных действий. Системный подход использовался для оценки взаимосвязи между судебным контролем, допустимостью доказательств и защитой прав личности. Сравнительно-аналитический метод применялся при сопоставлении нормативной модели и фактической практики расследования, поскольку многие проблемы проявляются не в тексте закона, а в способах его применения.

Результаты и обсуждение

Официальная судебная статистика за первое полугодие 2025 года позволяет оценить реальную нагрузку на механизм судебного разрешения следственных действий. По данным Судебного департамента, по основным видам действий, требующих судебного решения, окончено 266 510 материалов, из которых удовлетворено 253 800, то есть около 95,2 %. По обыску и выемке в жилище окончено 65 037 материалов, по осмотру жилища при отсутствии согласия проживающих — 15 423, по получению информации о соединениях между абонентами и устройствами — 95 777, по наложению ареста на имущество — 49 916, по действиям в отношении адвоката в порядке статьи 450.1 УПК РФ — 150. Ещё более показательна статистика по оперативно-розыскным мероприятиям: окончено 484 873 материала, удовлетворено 483 297, то есть около 99,7 %, в том числе по мероприятиям, связанным с ограничением тайны связи, — 247 158. Эти данные показывают высокую степень процессуальной стандартизации: спор всё чаще переносится не на стадию получения судебного разрешения, а на последующую оценку допустимости и надёжности уже собранного доказательственного материала [2].

Здесь проявляется первая серьёзная проблема. Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 1 июня 2017 года разъяснил, что ходатайства, рассматриваемые по статье

165 УПК РФ, связаны с ограничением конституционных прав, однако судья не вправе предрешать вопросы, которые впоследствии станут предметом судебного разбирательства по существу. Такое разграничение функций суда и органов расследования оправданно, но на практике нередко приводит к тому, что судебная проверка сводится к контролю внешней законности и формальной достаточности доводов следствия, а не к полноценной оценке необходимости и соразмерности вмешательства. При столь высоком проценте удовлетворения ходатайств это уже нельзя считать сугубо теоретической проблемой. Гарантийный потенциал статьи 165 УПК РФ сохраняется, однако часто действует скорее как механизм предварительного процессуального одобрения следственного запроса, чем как реальный фильтр от чрезмерного ограничения прав [3].

Наиболее конфликтной сферой остаются обыск, выемка и осмотр жилища. Именно здесь интересы доказывания непосредственно сталкиваются с конституционным принципом неприкосновенности жилища. Формально статья 182 УПК РФ требует судебного решения для обыска в жилище, а статья 165 устанавливает порядок получения такого разрешения. Однако значительное число споров возникает тогда, когда действие фактически имеет признаки обыска, но оформляется как осмотр места происшествия, обследование, добровольная выдача либо иное менее жёсткое процессуальное действие. Верховный Суд исходит из того, что нарушение требований статьи 165 УПК РФ влечёт недопустимость всех доказательств, полученных в ходе такого обыска, включая вещественные доказательства, протоколы осмотров и заключения экспертов, основанные на изъятом материале. Это означает, что первоначальная незаконность не может быть устранена последующей процессуальной переработкой полученной информации. Для следствия такой подход формирует жёсткий стандарт доказательственной дисциплины: ошибка на начальной стадии способна обесценить всю цепочку производных доказательств [4].

Верховный Суд также связывает допустимость результатов обыска и выемки не только с наличием судебного решения, но и с точным соблюдением самой процессуальной формы. В одном из кассационных определений Суд признал недопустимыми протоколы выемки обуви и патронов, поскольку обувь была изъята с участием лишь одного понятого и уже после составления протокола. Этот пример показывает, что достоверность доказательства оценивается через прослеживаемость всей процедуры его получения и фиксации. Вместе с тем он выявляет и другую проблему: отечественная модель по-прежнему во многом опирается на внешние формальные признаки правильности действия — подписи, участие понятых, последовательность записей, — тогда как в условиях повсеместной видеофиксации и

цифровой записи часть этих гарантий могла бы быть обеспечена более современными средствами [5].

Особое место занимает производство обыска, осмотра и выемки в отношении адвоката. Статья 450.1 УПК РФ закрепляет специальные гарантии адвокатской тайны: такие действия допускаются только с соблюдением особого порядка и в присутствии представителя адвокатской палаты. Судебная статистика за первое полугодие 2025 года показывает, что подобные материалы не единичны: окончено 150, удовлетворено 139. Формально механизм защиты здесь усилен, однако реальный конфликт всё чаще возникает в цифровой среде. При изъятии ноутбука, телефона, архива переписки или доступа к облачному хранилищу следствие получает не отдельный документ, а массив смешанной информации, где наряду со сведениями по расследуемому делу могут содержаться данные иных доверителей. Закон охраняет адвокатскую тайну как принцип, но пока не предлагает детализированного процессуального механизма, который позволял бы быстро и проверяемо отделить допустимое для изъятия содержание от неприкосновенной информации.

Цифровизация расследования сделала центральной проблему обращения с электронными носителями, удалёнными данными и цифровой валютой. Статья 164.1 УПК РФ ограничивает изъятие электронных носителей информации по отдельным категориям дел и допускает его лишь в специально предусмотренных случаях, а с марта 2026 года статья 164.2 установила специальные правила изъятия цифровой валюты: участие специалиста, изъятие материального носителя либо данных доступа, хранение в опечатанном виде и обеспечение сохранности. Это важный шаг, поскольку законодатель фактически признал, что цифровой объект не может изыматься по модели обычной вещи. Однако регулирование по-прежнему остаётся фрагментарным. Закон определяет базовые меры сохранности, но значительно слабее урегулированы вопросы копирования данных из облачных хранилищ, фиксации метаданных, подтверждения неизменности копий, документирования удалённого доступа, работы с учётными записями, распределёнными ключами и содержимым мессенджеров. Поэтому цифровой след уже стал обычным объектом доказывания, тогда как прежние процессуальные шаблоны не всегда обеспечивают необходимую точность и проверяемость.

Серьёзные трудности сохраняются и при допросе, предъявлении для опознания и проверке показаний на месте. Здесь главная опасность заключается не в недостатке регламентации, а в высокой внушаемости самой доказательственной ситуации. Память свидетеля может искажаться повторными допросами, предварительным показом фотографий, обсуждением обстоятельств с оперативными сотрудниками, публикациями в сети и неправильной постановкой вопросов. Верховный Суд исключал из числа доказательств

протоколы предъявления для опознания по фотографиям, подчёркивая, что фотография не должна подменять очное предъявление там, где оно возможно и не связано с непреодолимыми препятствиями. В кассационной практике 2025 года эта проблема сохранялась. Практический вывод здесь очевиден: любое упрощение процедуры опознания ускоряет расследование, но одновременно делает такое доказательство менее устойчивым в суде.

Сложности возникают и в сфере судебной экспертизы. В первом полугодии 2025 года суды окончили 3 332 материала о помещении не содержащегося под стражей подозреваемого или обвиняемого в медицинский либо психиатрический стационар для производства экспертизы; удовлетворено 3 020. Эти данные показывают, что экспертиза давно вышла за пределы чисто вспомогательного процессуального действия и нередко затрагивает свободу и личную неприкосновенность. В практике Верховного Суда поднимался и другой вопрос: допустимо ли принимать экспертное заключение, если не соблюдены требования статьи 57 УПК РФ к фигуре эксперта и его процессуальному статусу. Отсюда следует, что дефект экспертного доказательства возникает не только при ошибке, по существу, но и при нарушении процессуальной основы привлечения эксперта, пределов его компетенции либо качества исходного материала. Если же заключение построено на результатах сомнительного обыска, осмотра или выемки, производный дефект затрагивает и саму экспертизу.

Заключение

Таким образом, основная научно-практическая проблема производства отдельных видов следственных действий в современной России состоит не столько в недостатке правовых предписаний, сколько в разрыве между нормативной моделью и фактической технологией расследования. УПК РФ содержит достаточно развитую систему судебного контроля, процессуальных гарантий и правил допустимости доказательств, однако практика показывает, что эти гарантии не всегда работают как полноценный механизм предотвращения чрезмерного вмешательства в права личности.

Наиболее уязвимыми остаются действия, связанные с проникновением в жилище, изъятием имущества, получением цифровой информации, доступом к адвокатской тайне, проверкой показаний и использованием специальных знаний. Общая проблема заключается в том, что следственное действие может быть формально оформлено правильно, но при этом вызывать сомнения с точки зрения необходимости, соразмерности, достоверности фиксации и сохранности доказательственного материала.

Цифровизация уголовного судопроизводства усилила эти противоречия. Электронные носители, облачные данные, переписка, метаданные, цифровая валюта и распределённые

ключи требуют иной процессуальной логики, чем обычные предметы и документы. Законодатель уже начал учитывать эту специфику через статьи 164.1 и 164.2 УПК РФ, однако дальнейшее развитие регулирования должно быть связано с более точными правилами копирования, хранения, проверки неизменности цифровых данных и защиты сведений, не относящихся к предмету расследования.

В перспективе повышение качества следственных действий должно идти не только через ужесточение формальных требований, но и через развитие технологически проверяемой процедуры: обязательную видеофиксацию в спорных случаях, электронное протоколирование, детальную фиксацию цепочки хранения доказательств, участие специалистов при работе с цифровой информацией и более содержательную судебную проверку необходимости вмешательства. Только при таком подходе следственные действия смогут одновременно выполнять доказательственную функцию и сохранять значение процессуальной гарантии, а не превращаться в формальный способ закрепления уже принятого следствием решения.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ: в ред. от 20 февр. 2026 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Данные судебной статистики. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 1 полугодие 2025 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, дата обращения: 20.04.2026.
3. О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ): постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 июня 2017 г. № 19 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Определение от 7 апр. 2006 г. по делу № 2-32/05 [Электронный ресурс] // Верховный Суд Российской Федерации. Режим доступа: электронная версия судебного акта, дата обращения: 20.04.2026.
5. Следственный комитет Российской Федерации. Следственным комитетом в 2025 году расследовано 26,5 тысяч преступлений, связанных с использованием цифровых технологий и инструментов: новостное сообщение от 3 марта 2026 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации, дата обращения:

20.04.2026.

6. Определение суда кассационной инстанции от 22 авг. 2023 г. [Электронный ресурс] // Верховный Суд Российской Федерации. Режим доступа: официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации, дата обращения: 20.04.2026.

7. Исследование в присутствии присяжных заседателей недопустимых доказательств повлекло отмену приговора: определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа: официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации, дата обращения: 20.04.2026.

8. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 24.01.2023 № 19-УД22-32-А3 [Электронный ресурс]. Режим доступа: электронная база судебной практики, дата обращения: 20.04.2026.

9. О судебном приговоре: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 нояб. 2016 г. № 55 : в ред. от 9 дек. 2025 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»

SCIENTIFIC AND PRACTICAL PROBLEMS OF THE PRODUCTION OF CERTAIN TYPES OF INVESTIGATIVE ACTIONS IN THE CRIMINAL PROCESS OF RUSSIA

Abdurazakov Magomed Mukuevich
Senior Lecturer, Department of Criminal Procedure and Criminalistics,
Law Institute,
Dagestan State University,
Makhachkala, Russian Federation
Meselova Madina Mikailovna
Master's Student,
Law Institute,
Dagestan State University,
Makhachkala, Russian Federation

Annotation. The article examines the scientific and practical issues involved in conducting certain investigative actions in contemporary Russian criminal procedure. The focus is placed on the correlation between procedural form and the actual capacity of current regulation to ensure reliable evidence collection while preserving constitutional rights and freedoms. The study analyzes judicial control under Article 165 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, the admissibility of evidence, the procedural features of search, seizure, and inspection of a dwelling, safeguards of attorney-client privilege, as well as difficulties arising in dealing with electronic devices, remote data, and digital currency. Special attention is paid to the risks associated with interrogation, identification procedures, on-site verification of testimony, the use of operational-search activity results, and

forensic examinations. The author concludes that there is a gap between the normative model of investigative actions and the actual technology of investigation, which necessitates further improvement of procedural safeguards, digital recording mechanisms, and rules governing evidentiary information.

Keywords: investigative actions, criminal procedure, judicial control, admissibility of evidence, search, seizure, dwelling inspection, attorney-client privilege, digital evidence, operational-search activity, forensic examination, Criminal Procedure Code of the Russian Federation.

References

1. Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law No. 174-FZ of December 18, 2001 (as amended on February 20, 2026) [Electronic resource]. Accessed via the "ConsultantPlus" legal reference system.
2. Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. Judicial statistics data: Consolidated statistical information on the activities of federal courts of general jurisdiction and justices of the peace for the first half of 2025 [Electronic resource]. Available at: official website of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation; accessed: April 20, 2026.
3. On the Practice of Courts in Considering Motions for Investigative Actions Involving the Restriction of Citizens' Constitutional Rights (Article 165 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation): Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 19 of June 1, 2017 [Electronic resource]. Accessed via the "ConsultantPlus" legal reference system.
4. Ruling dated April 7, 2006, in Case No. 2-32/05 [Electronic resource] // Supreme Court of the Russian Federation. Available at: electronic version of the judicial act; accessed: April 20, 2026.
5. Investigative Committee of the Russian Federation. In 2025, the Investigative Committee investigated 26,500 crimes involving the use of digital technologies and tools: news release dated March 3, 2026 [Electronic resource]. Available at: official website of the Investigative Committee of the Russian Federation; accessed: April 20, 2026. 6. Ruling of the court of cassation instance dated Aug. 22, 2023 [Electronic resource] // Supreme Court of the Russian Federation. Access mode: official website of the Supreme Court of the Russian Federation, date of access: Apr. 20, 2026.
7. Examination of inadmissible evidence in the presence of a jury led to the overturning of the verdict: ruling of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation [Electronic resource]. Access mode: official website of the Supreme Court of the Russian Federation, date of access: Apr. 20, 2026.
8. Ruling of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated Jan. 24, 2023, No. 19-UD22-32-A3 [Electronic resource]. Access mode: electronic database of judicial practice, date of access: Apr. 20, 2026.
9. On Court Verdicts: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated Nov. 29, 2016, No. 55 (as amended on Dec. 9, 2025) [Electronic resource]. Accessed via the "ConsultantPlus" legal reference system.